

Н.Н. Цветаева,
tsvetni12@mail.ru

ЛОГИКА ЖИЗНИ И ЛОГИКА ИДЕОЛОГИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты качественного анализа материалов Биографического фонда института. Анализируются особенности биографического дискурса представителей двух поколений советских людей, характеризующие связи между дискурсом повседневной жизни и нормативной идеологической схемой, которая долгие годы господствовала в советском обществе.

Ключевые слова: дискурс повседневной жизни, нормативная идеологическая схема, поколения

В статье представлены некоторые результаты качественного (интерпретативного) анализа материалов Биографического фонда Социологического института РАН (СПб.), в число которых входят автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов¹. Фонд был создан в 1989 г., когда качественные методы только начинали практиковаться в нашей социологии. Создание Фонда отвечало необходимости перемен в методах исследования и потребности в новом эмпирическом материале для изучения происходящих в обществе радикальных изменений².

¹ Собрание Фонда постоянно пополняется, и сегодня Фонд насчитывает 650 единиц хранения. Подробно о собрании Фонда см.: *Божков О., Дивисенко К.* Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3 (63).

² О переменных в методологии социального познания и использовании в социологии «человеческих документов» см., например: *Голофаст В.Б.* Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 4; *Козлова Н.Н.* Опыт социологического чтения «человеческих документов»,

Сегодня биографические рассказы, свидетельствующие о прожитой человеком жизни, — уже признанный в социологии источник социального знания. Богатый материал этих свидетельств по-разному проблематизируется исследователями и может говорить о многих характеристиках социальной жизни. Формулировка представленной здесь проблемы во многом была обусловлена временем создания Фонда, временем перестройки и острой критики советской идеологии, которая на протяжении десятилетий закрывала все проявления повседневной жизни людей единой сеткой застывших пропагандистских формул. Для понимания начавшихся тогда перемен особый интерес представляла задача открыть «нижние» пласты сознания общества, исследовать, какие привычки сознания и представления людей скрывались под этой сеткой, насколько формулы советской идеологии повлияли на эти привычки и представления и как они воспроизводятся в биографическом дискурсе³.

Непосредственным импульсом так сформулированной проблемы стали противоречия в логике изложения биографических рассказов, присланных в Фонд. Так, например, человек, рассказывающий о жесткости разорения в процессе коллективизации крестьянского хозяйства своей семьи, не только не обвинял эти действия советской власти, а напротив, в каком-то смысле их оправдывал, используя для этого оценочные формулы советской идеологии⁴.

или размышления о значимости методологической рефлексии // Социс. 2000. № 9; *Рустин М.* Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция, интервью, интерпретация. 2002. № 1; *Готлиб А.С.* Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.

³ Отчасти эта формулировка проблемы была созвучна работам социальных историков (школа «Анналов», альманах «Одиссей», работы А.Я Гуревича), которые говорили о необходимости различать обыденные представления людей, с одной стороны, и нормативные документы эпохи, с другой, и сформулировали проблему изучения истории «снизу», истории повседневной жизни, истории ментальностей. См.: *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989; *Бессмертный Ю.А.* «Анналы»: Переломный этап? // Одиссей. М., 1991.

⁴ Эти противоречия в логике в изложении биографических рассказов до некоторой степени определили методику исследования. Первым ее шагом был анализ смысловых структур, «фигур логики», которые образуются между описываемыми в рассказе событиями и используемым его автором оценочным дискурсом. Следующим шагом — анализ и упорядочение диапазона и вариативности этих смысловых структур, следов оценивающих и классифицирующих дискурсов, наличествующих в обществе.

Конечно, сохранять лояльность и избегать критики в отношении идеологического порядка, господствовавшего в обществе на протяжении многих десятилетий, было привычным для советского человека и вполне объяснимым явлением. Проблемой представлялось то, что эти противоречия читались в биографических рассказах тех людей, которые в той или иной степени были жертвами этого порядка и лично пострадали от реализации его установок. Кроме того, это были биографические рассказы, написанные в начале 1990-х годов, когда в общественном дискурсе присутствовала острая критика советской идеологии и общество освобождалось от установок и страхов прошлого⁵.

Биографические рассказы бывших крестьян: неумение жить «в пустом доме» и «переход в пролетарскую жизнь»

Исследование причин и «истоков» образования такого рода противоречий началось с биографических рассказов людей, принадлежавших к поколению очевидцев и участников социальных коллизий становления советской власти. В основном это были рассказы городских жителей крестьянского происхождения, переживших травму коллективизации крестьянского хозяйства их семьи, и в мировосприятии этих людей столкнулись традиционная крестьянская культура и идеологические установки нового социального строя. Интерес к биографическим рассказам этих людей был обусловлен также данными демографической статистики, которые говорили о том, что сегодняшний горожанин — сплошь и рядом вчерашний крестьянин и что процесс превращения нашего общества в городское еще не закончен, так как горожане в первом поколении все еще в большинстве⁶. Казалось

⁵ Заметим также, что эти противоречия нельзя было объяснить инфантильностью оценочного сознания, свойственной малообразованным людям, так как они читались и в рассказах людей, получивших высшее образование и, казалось, в силу этого обязанных додумывать и обосновывать свои оценки. Отметим и то, что речь шла не об убеждениях человека, который вполне мог оказаться приверженцем советской идеологии и отстаивать свои убеждения даже вопреки собственному опыту жизни. Однако никакой рациональной логики в объяснении этих противоречий авторы рассказов не обнаруживали, что позволяло говорить о произведенных советской идеологией деформациях в мировосприятии человека, его беззащитности перед властью советской идеологической риторики.

⁶ См.: *Вишневский А.Г.* На полпути к городскому обществу // Человек. 1992. № 1.

важным и то, что эти люди (называемые в литературе маргиналами, полукрестьянами-полугорожанами) долгие годы были доминантой социально-культурной динамики советского общества, причем не только в силу масштабности и массовости миграции крестьян в города. На этих людей в большой степени была ориентирована пропагандистская модель советской идеологии, так что мировосприятие этих людей и эта модель развивались как бы параллельно, подстраиваясь друг под друга.

Биографические рассказы этого поколения свидетельствовали, как трудно было крестьянину осуществить *«переход в пролетарскую жизнь»*, изменяя ценностям крестьянской жизни, ее практическому опыту и здравому смыслу. Так, в случае, если крестьянин *«временно»* и *«вынужденно»* работал на фабрике, чтобы поддержать крестьянское хозяйство оставленной в деревне семьи, и перед ним возникала угроза увольнения, если он не разорвет связи с крестьянской жизнью⁷, он изо всех сил пытался сохранить свое «промежуточное» положение — положение крестьянина-рабочего. Но, когда ему все же приходилось стать *«чистокровным пролетарием»*, он руководствовался не новыми (пролетарскими) ценностями, а соображениями здравого смысла — бедственным положением крестьянского хозяйства, которое уже не спасала его работа на фабрике. Вот как это представлено в биографическом рассказе:

«Хозяйство и семья состояли на моем иждивении, ибо хозяйство было очень бедное и кроме того мало было рабочих рук, а посему такое себя не оправдывало. Мне приходилось весь свой заработок расходовать на сельхозналог, страховку и кроме того ежегодно покупать не менее 50 пудов хлеба».

Крестьянское мировосприятие как особый способ мышления и особую культуру очень образно иллюстрирует отрывок из биографического интервью одного из бывших крестьян, который рассказывает о коллективизации в родной деревне и связанных с ней трудностях психологической адаптации крестьян⁸:

⁷ В основе угрозы увольнения лежало осуждение советской идеологией рабочего, сохранявшего связи с крестьянской жизнью. Это осуждение базировалось на представлении о превосходстве «чистокровного пролетария» над крестьянином вообще и крестьянином-рабочим, в частности. Свидетельства и иллюстрации этой идеологии можно найти в работе одного из первых исследователей биографий того времени Н.А. Рыбникова. См.: *Рыбников Н.А.* Автобиографии рабочих и их изучение. ГИЗ, 1930.

⁸ Биографическое интервью 1990 г.

«Вот сейчас говорят, — “раскрестьянили народ”. Его не “раскрестьянили”, его просто-напросто убили в 30-ые годы. Ведь как крестьянину было оторвать от себя все: и движимое, и недвижимое, и живое, и мертвое. И остаться не у дел — в пустом доме. Чем жить, как жить, на что надеяться или верить. Ведь каждый дом, каждая семья сама, из своего хозяйства, решала, на что рассчитывать. Обувались, одевались, пили, ели исключительно деревней...»

Эти свойства крестьянского мировосприятия — неумение жить (и мыслить) *«в пустом доме»*, отсутствие навыков отвлеченного мышления, ситуационная связанность сознания⁹ отчетливо читаются в биографических рассказах этого поколения бывших крестьян. Они свидетельствуют, что послереволюционные изменения и слом привычной самодостаточности крестьянской жизни не повлекли за собой существенных перемен в мировосприятии этих людей. Их адаптация к новым культурным кодам происходила не через убеждения, а через житейскую необходимость, необходимость выжить в новых условиях. И они действовали в привычной для них логике крестьянской жизни, опираясь на здравый смысл и осваивая новые смысловые структуры по меркам и законам крестьянского мировосприятия. Можно сказать, что эти люди *«врастали»* в новую идеологию, по характеру мировосприятия в значительной степени оставаясь крестьянами.

Как известно, формирование советского общества не стало продолжением начавшегося задолго до революции и расшатавшего рамки традиционной крестьянской культуры процесса демократизации России, по определению русского философа С.Л. Франка, — влечения крестьянина к самостоятельности и самочинности¹⁰. Новый порядок жизни нарушил эволюцию *«самостоятельности и самочинности»* крестьян, установив жесткий контроль над процессом их адаптации и, тем самым, законсервировав архаические черты их мировосприятия. Как свидетельствуют биографические рассказы этого поколения бывших крестьян, освоение ими нового социального пространства ограничивалось узкими рамками политизированных форм участия в жизни общества. И лишившиеся прежних социальных связей, и не имеющие навыков *«самостоятельности и самочинности»*, они

⁹ Этот тип мышления психологи называют практическим, ситуационным, отличая его от теоретического, категориального. См.: *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

¹⁰ *Франк Л.С.* По ту сторону «правого» и «левого». Статьи по социальной философии // Новый мир. 1990. № 4. С. 205–241.

приняли предложенные формы как данность, как естественное условие выживания. Новые культурные коды как бы наслоились на прежние, по существу мало изменив их. По образному выражению Г.И. Успенского, эти люди перешли из-под «власти земли» под власть «слова», и трудности этого перехода наложили отпечаток на их мировосприятие.

Биографические рассказы этого поколения говорят и еще об одной особенности их мировосприятия. Несмотря на то, что уже сам факт переезда крестьянина в город ставил его в привилегированное (по сравнению с крестьянским) положение, в рассказах ощущается трагическая раздвоенность мировосприятия бывшего крестьянина между его прежней, крестьянской, жизнью и той, которая ее сменила. С одной стороны, человек понимает, что благодаря переезду в город он сумел избежать тяжелой участи крестьянина и обрести привилегии городской жизни: *«Город прельстил чистым хлебом, мясом, колбасой — всем, что твоей душе угодно»*. С другой — высказывает горечь по поводу судьбы крестьянина после коллективизации: *«Вот я так иногда метнусь и в деревню, метнусь и в город, думаю: как же это так? Крестьянин работает и все это производит, а так плохо живет»*.

Трагическая раздвоенность мировосприятия этого поколения бывших крестьян свидетельствует о том, что проникшие в разрушенную крестьянскую культуру формулы новой идеологии так и остаются «невживленными» в ткань их повседневного существования, а здравомыслие и опора на опыт жизни, присущие крестьянской культуре, со временем начинают теряться. В результате идеологические формулы в биографических рассказах этих людей иногда выглядят как своего рода отдельная реальность, по существу не связанная с реалиями их жизни. У жизни оказываются свои язык и логика, а у идеологии — свои, и они почти не пересекаются. И, наконец, в некоторых биографических рассказах эти оторванные от реальной жизни идеологические формулы обретают фетишистские формы, рождая противоречия между логикой жизни и логикой идеологии. Вот как такого рода противоречие представлено в автобиографическом описании тяжелой жизни крестьянской семьи после коллективизации¹¹:

«Пенсии не было нам. Колхозникам не давали пенсию. Льгот тоже не было. Платили большой налог, страховку, заем, самообложение. Выполняли 360 литров молока, 40 килограммов мяса, 50 яиц, шерсть, кожу с поросенка и с овец. Корову подоим и несем на сборный пункт за

¹¹ Автор этого биографического текста (1991 г.) бывшая учительница, имеющая высшее образование.

3 километра молоко. Носили я и сестра. За ведро молока дадут литра два обрату (одна сыворотка). Жирность молока запишут маленькую. Вот и носили не 360 литров, а 400 или больше. Держит мама овец, а осенью весь молодняк отдать надо. Часть на выполнение мяса, а другую повезет в Ленинград, чтобы привезти денег на уплату налога и других платежей».

Казалось бы, за этим описанием тяжелой крестьянской жизни в колхозной системе хозяйствования должна последовать какая-то критика этой системы. Но вместо критики автор рассказа благодарит *советскую власть*, не замечая противоречия, в котором высказываемая ею благодарность разбивается ею же приводимыми доводами:

«Вспоминая свою жизнь, благодарю советскую власть, коммунистическую партию, колхоз. Только колхоз спас нашу семью от гибели. Помощи материальной не было, но мама и мы работали там, где могли. Мама на полеводстве работала, а одновременно кормила и доила коров (их было 8 в колхозе), давали ей домой лен трепать ночью. Ходили на работу я и сестра в летний период...».

Наконец, можно отметить и еще одну особенность биографических рассказов этого поколения бывших крестьян. Подробно и даже эмоционально рассказывая о своей крестьянской жизни, они почти ничего не говорят о ценностях личной жизни после переезда в город. Эта часть жизни описывается ими в основном только с точки зрения советской идеологической формулы: «общественное превыше личного». Часто это списки должностей, занимаемых человеком на протяжении его жизни (как это было при поступлении на работу в советское учреждение), а также ссылки на наградные документы и т. п. официально признанные советской идеологией критерии социальной значимости человека. В результате зависимость от идеологически формул советского времени оказывается постоянной образующей биографических рассказов этого поколения и основным способом самоутверждения и самосознания человека.

Биографические рассказы «шестидесятников»: противоречия и умолчания

Сохраняется ли зависимость мировосприятия человека от идеологических формул советской эпохи в биографических рассказах людей, принадлежащих к следующим советским поколениям, и можно ли най-

ти в рассказах следующих поколений какие-то приметы освобождения от этой зависимости?

Ответ на эти вопросы предполагалось найти в рассказах тех, кто откликнулся на приглашение биографического конкурса «Гляжу в себя как зеркало эпохи» (проведенного Фондом в 1994 г.) написать, как в их жизни отразилась такая значимая веха в истории советской общества, как эпоха «оттепели» — 1960-е годы. Девиз конкурса возник на фоне начатых перестройкой либеральных реформ, которые активизировали в обществе интерес к эпохе «оттепели» как времени некоторой либерализации жизни страны после смерти Сталина, уже тогда позволившей человеку критично взглянуть на советскую идеологию и освободиться от некоторых ее мифов и идеологем. И, прежде всего, свидетельств такого освобождения можно было ожидать от участников конкурса, которые, прислав свои биографические рассказы, тем самым признавали значимость этой эпохи¹².

Ориентируясь на позицию, что каждое поколение несет на себе «зримые следы социальных и политических событий своей юности»¹³, от биографического дискурса участников конкурса, посвященного эпохе «оттепели», можно было ожидать характеристик и определений этого времени как времени либерализации жизни страны. Однако анализ биографических рассказов участников конкурса обнаружил, что не для всех них это так и что «зримые следы» их юности образуют два совершенно разных символических пространства, два разных дискурса, в каждом из которых действуют свои символы и метафоры. Один дискурс — литературный язык, язык образованных людей (так были названы участники конкурса с высшим образованием), которые говорили об «оттепели», как правило, используя многие известные из публицистики характеристики этого времени, и определяли это время как эпоху надежд на *освобождение страны и личности*. Другой дискурс — язык малообразованных людей (так условно были названы участники конкурса без высшего образования), которые фактически не выделяли «оттепель» как особую эпоху и не объясняли с этой точки зрения свое участие в конкурсе.

¹² Участниками конкурса оказались 93 человека, 44 женщины и 49 мужчин, чаще всего 1930-х годов рождения. Среди участников конкурса оказались люди разных профессий и разного уровня образования (от медсестры и шофера до инженера, врача, начальника стройки), что позволяло надеяться, что мы увидим более широкий диапазон памяти об этом времени, а не только воспоминания тех, кого принято было называть «шестидесятниками», имея в виду их активную публицистическую позицию.

¹³ Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2.

Различие этих двух дискурсов позволяло предположить, что признаки освобождения мировосприятия человека от формул советской идеологии обнаружатся в биографических рассказах образованных людей. Однако анализ рассказов этой группы участников конкурса показал, что их рефлексия по поводу советской эпохи и «оттепели» имела довольно поверхностный характер. Несмотря на то, что, описывая это время, они, как уже говорилось, воспроизводили многие известные по публицистике того времени метафоры, представляющие «оттепель» как эпоху надежд на освобождение страны и личности, когда *«все вздохнули свободно»* и *«кожей чувствовали духовный рост общества»*, дальше этих метафор они не шли. Редко кто из них говорил о конкретных политических событиях начала «оттепели» (таких, как разоблачение культа личности Сталина, доклад Хрущева и т. п.), т. е. в какой-то мере анализировал сталинский режим. Репрессии и жестокость режима также почти не упоминались, а если и упоминались, то осторожными фразами: *«среди окружающих никто не пострадал при Сталине»*, *«ужасный 1937 год не коснулся нашего семейства»*. Интересно было оценить эту риторику на фоне социологических данных о том, что почти треть семей была напрямую затронута сталинскими репрессиями¹⁴.

Значительные политические события постсталинского периода (такие, как Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года, преследование диссидентов и т. п.) тоже почти не анализировались. Конечно, в условиях тотального государственного контроля над информацией в советском обществе об этих событиях люди узнавали в основном только из официальных источников, как правило, на партийных производственных собраниях и митингах, и вместе со всеми принимали те оценки, которые предлагала официальная идеология. Жаление же о своей наивности (*«Я стоял как болван среди всех и верил, верил, верил...»*) или какая-то критика своей слепоты в отношении этой идеологии высказывалась образованными участниками конкурса довольно редко. Надо отметить также, что своеобразным рефреном в их рассказах была фраза: *«мы работали честно»*, которой человек как бы снимал с себя ответственность за все прегрешения советской эпохи и освобождал себя от анализа каких-либо сложных общественных проблем того времени.

Одним из объяснений уклонения от такого анализа принято считать своего рода изначальную ангажированность интеллигенции в советскую идеологию, ее близость к власти. Как известно, получение

¹⁴ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. С. 258.

диплома о высшем образовании открывало дорогу к привилегированному положению в советском обществе и обретению этой близости, тем более, когда оно подкреплялось успешной служебной карьерой и сопутствующим ей вступлением в партию. (Другой вопрос, что поступление в вузы тоже было идеологически «квотировано»). Эту ангажированность можно было прочесть в биографических рассказах, когда человек, даже критикуя советское прошлое, сохранял *«принципиальную верность идее»* или считал, что *«гнусности зависели не от системы, а от негодяев, действовавших от ее имени»* и что *«война оправдывает все негативное, что было сделано до 1953 года»*. Из рассказов выяснялись и другие характеристики этой ангажированности. Например, в некоторых семьях *«все знали об ужасах сталинизма еще до XX съезда»* и это не мешало относиться к Сталину как *«к вождю, без которого страна может пропасть»*. Общим пафосом лояльности к сталинскому режиму и советской системе в целом в нарративах этого типа были суждения: *«жизнь прожита не напрасно»*, *«нужно взять из разрушенного мировоззрения лучшее»*, *«исправить недостатки социализма»*.

В свою очередь малообразованные участники конкурса (напомню, так условно были названы участники конкурса без высшего образования) в своих рассказах в принципе, как уже говорилось, не использовали каких-либо известных по публицистике метафор и описаний «оттепели». И это несмотря на то, что они участвовали в биографическом конкурсе, посвященном воспоминаниям об этом времени. В тех же случаях, когда в их рассказах все же появлялись характеристики этого периода времени, они были конкретными и материальными, и это время предстало как цепь коллизий повседневной жизни, обусловленных реформами Н.С. Хрущева: *«перебои с хлебом»*, *«вместо привычных культур на полях кукуруза»*, *«хозяйки расставались со своими буренками»*. Иными словами, эта эпоха в жизни страны вообще не фиксировалась ими как «оттепель», как смягчение режима и возможность некоторого освобождения страны и личности.

Это нежелание или неумение малообразованных людей обсуждать идеологические проблемы жизни страны и их практическое отношение к жизни принято интерпретировать как результат их низкого положения в обществе, в котором они вынуждены приспосабливаться к своим обстоятельствам и считают себя исключенными из идеологической борьбы. Обратной стороной такого молчаливого приспособления этого слоя людей к навязанным им обстоятельствам исследователи на-

зывают «скрытую ненависть и скрытое оскорбление хозяев»¹⁵. И эта «оборотная сторона» отчетливо читалась в их биографических рассказах, проявляясь как презрительное (иногда даже циничное) отношение ко всему, что связано с идеологическими формулами, и прежде всего как презрительное отношение к власти. Например, к тому же Н.С. Хрущеву, которого часто уничижительно называют *Хрущем*, осуждая его действия: *«Хрущ что-то там опять натворил...»*. Возможно, что это презрительное отношение малообразованных людей к власти и можно назвать их дистанцированием от навязанного им идеологией давления.

И, наконец, несмотря на различие дискурсов образованных и малообразованных участников конкурса в описаниях ими «оттепели», в биографических рассказах как одних, так и других, читались такие же (как у «крестьянского» поколения) противоречия — противоречия между логикой жизни и логикой используемых идеологических формул. В рассказах малообразованных людей противоречия читались, когда они, с одной стороны, описывают свою трудную и полную лишений жизнь (*«жизнь-колотушку»*, как говорит один из них): бедность, отсутствие нормального жилья, несправедливость начальства и т. п., а с другой, оценивают советскую эпоху как время, в котором *«человек чувствовал себя членом одной большой семьи»*, *«все было доступно»*, *«не боялись за завтрашний день»*, *«твердо знали, что государство не оставит»*.

В свою очередь в биографических рассказах образованных людей такие противоречия можно было прочесть, когда *«верность идее социализма»* присутствовала не только у тех из них, которые *«прожили прекрасную жизнь»*, а и у тех, кто, например, столкнулся со страшными реалиями сталинской эпохи (*«где-то кости дяди — 10 лет без права переписки»*), в течение жизни часто преследовались или увольнялись *«по идеологическим соображениям»*, не могли поступить в институт и получить после института нормальное распределение и т. п. В таких случаях было очевидно, что *«верность идее социализма»* оказывается в противоречии с реалиями жизни этих людей и что эти противоречия очень похожи на те, которые читались в рассказах менее образованных «шестидесятников».

Итак, зависимость от формул советской идеологии была очевидной и в биографических рассказах участников конкурса «шестидесят-

¹⁵ Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos, 1993. № 1/2. С. 141.

ников», несмотря на то, что люди этого поколения формировались в принципиально иной ситуации, нежели поколение очевидцев и участников социальных коллизий становления советской власти.

Вместо заключения

Качественный (интерпретативный) анализ биографических рассказов, «документов жизни», не предполагает подведения специальных итогов. Представленное в аналитическом тексте «насыщенное описание» проблемы, иллюстрирующее «живой» опыт людей, окрашенный эмоциями и переживаниями, не настаивает на единственной интерпретации рассматриваемой проблемы и открывает возможность читателю вступить в диалог и продуцировать собственные гипотезы ее понимания. Важно, однако, подчеркнуть, что проблема, которая здесь представлена — это не только проблема «уходящей натуры» советского общества. Иначе говоря, она не исчерпывается проблемой устойчивости идеологических конструкторов советской эпохи, определявших мировосприятие многих поколений людей. Символическое насилие существует в любом обществе и всегда есть некая норма адекватности индивида культурному порядку этого общества. В этой связи можно вспомнить положения теории дискурса, говорящие о заинтересованности власти в утверждаемых в обществе классификациях и нормах, о «политике нормализации» индивида¹⁶. Другой вопрос, что сегодня меняется характер давления нормативных стандартов. Социальные и культурные различия все больше и больше оказываются под давлением потребительской культуры, которая тоже, как выясняется, носит репрессивный характер, не говоря уже о проблемах, которые описываются как глобализация жизненного мира¹⁷.

¹⁶ См.: Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // *Общественные науки и современность*. 1996. № 5.

¹⁷ Фурус В.Н. Глобализация жизненного мира в свете социальной теории // *Общественные науки и современность*. 2000. № 6.